

УДК 1(091)
DOI: 10.26456/vtphilos/2021.1.180

ВЛИЯНИЕ КАНТИАНСКОЙ КРИТИКИ СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ В РАМКАХ ФИЛОСОФИИ БАДЕНСКОЙ ШКОЛЫ НЕОКАНТИАНСТВА¹

А.А. Аванесян

ФКУ НИИИТ ФСИН России, г. Тверь

В работе выявляется связь, объединяющая кантианскую теорию суждения с эпистемологической доктриной Баденской школы неокантианства. Различение определяющей и рефлектирующей способности суждения сопоставляется с генерализирующим и индивидуализирующим способами образования понятий. Особенности исторического метода возводятся к отличительным чертам телеологического и эстетического вариантов применения рефлектирующего суждения. Выстроенная на этой платформе концепция самостоятельного метода исторического познания задает особое видение исторического познания как опыта восприятия и понимания единичных, однократных и уникальных культурных процессов.

***Ключевые слова:** исторический опыт, рефлектирующее суждение, неокантианство, соотнесение с ценностями.*

Сформулированная представителями Баденской школы неокантианства эпистемологическая концепция предполагает разделение исследующих действительность эмпирических наук на две группы. В зависимости от применяемого метода познания выделяются генерализирующие (номотетические) науки о природе и индивидуализирующие (идеографические) науки о культуре. Первая группа охватывает совокупность естественнонаучных дисциплин, призванных, абстрагируясь в максимально возможной степени от индивидуальных черт изучаемых объектов, вывести всеобщие законы, которые объясняют их функционирование. В противоположность этому науки о культуре, определяемые Г. Риккертом как исторические в широком смысле, рассматривают явления, представляющие интерес именно с точки зрения их индивидуальности и неповторимости. Исторический метод познания, в соответствии с данным подходом, предназначен для индивидуализирующей характеристики однократно происходящих, единичных в своей сущности культурных процессов. Следствием подобной концепции оказывается развитие представления об истории как подлинно эмпирической дисциплине, стремящейся в

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого» № 20-011-00406-А.

максимально возможной степени сохранить опыт непосредственного восприятия объектов действительности. Научно обоснованное познание прошлого, таким образом, предстает особым типом опытом постижения индивидуальных явлений, неподверженных естественнонаучному обобщению. В противоположность генерализирующему способу образования понятий идеографический метод ставит целью характеризовать объект познания через как можно более точное описание его индивидуальных особенностей, т. е. максимально приближенно к самой воспринимаемой действительности.

Возможность понятийного схватывания сингулярных явлений обосновывается разработкой доктрины исторического способа образования понятий, в качестве фундамента которой выступает кантианская критика способности суждения. Генерализирующий естественнонаучный способ образования понятий в этом смысле соотносится с определяющей способностью суждения, в то время как индивидуализирующий исторический метод восходит к рефлектирующей способности суждения [6, с. 140]. Именно теория рефлектирующей способности суждения, на которой сконцентрировано основное внимание третьей критики [1, с. 411], выступает в роли философской основы самой возможности научного постижения не подверженных операции обобщения единичных феноменов.

Кантианское выделение определяющей и рефлектирующей способностей суждения проводится в соответствии с методом соотнесения единичного со всеобщим. Определяющее суждение применяется в том случае, если обобщающее понятие известно заранее и единичное явление требуется под него подвести; если же дано только частное, а всеобщее нужно установить по нему, работает рефлектирующая способность суждения [4, с. 98]. Рефлексия в данном случае оказывается необходима в силу того, что отсутствует надежный принцип, позволяющий осуществить строгое соотнесение частного с общим понятием. Функционирование определяющих суждений конституируется всеобщими законами природы, рассматриваемыми в качестве трансцендентальной основы познания: единичное строго подчиненно всеобщему, его существование развивается закономерно и может быть объяснено через понимание фундаментального закона. Такая способность суждения, согласно И. Канту, не является автономной, опираясь на внешний по отношению к ней априорный принцип закономерной связи частного с общим [4, с. 588]. Для рефлектирующей способности суждения подобный трансцендентальный принцип, оказывающийся критерием достоверности ее применения, не дан заранее и должен быть найден в ней самой. В связи с чем исследование именно рефлектирующего суждения рассматривается кенигсбергским философом в качестве пути к установлению априорного основания работы способности суждения как таковой. По этой причине «Критика способности суждения» сосредоточена на рефлектирующей способности, уделяя минимальное внимание определяющему суждению.

И. Кант рассматривает два варианта применения рефлектирующей способности суждения – телеологическое и эстетическое суждение. Телеологическое суждение работает в случае познания тех качеств объектов окружающей действительности, которые не могут быть объяснены уже известными всеобщими законами. Если некое явление выходит за рамки либо прямо противоречит естественнонаучным законам, то подходить к его изучению следует, предполагая наличие других, ещё не открытых закономерностей, позволяющих объяснить то, что было непонятным [4, с. 100]. Соответственно, целью эмпирического исследования таких явлений оказывается нахождение подобных законов. Кантианский подход, таким образом, требует от ученого априорной уверенности в наличии закономерной причинности природных процессов там, где такая причинность не обнаруживается с необходимостью уже известными положениями науки. Даже о явлениях, понимание которых требует учета не только общих законов, но и эмпирически фиксируемых частных обстоятельств, рефлектировать следует по принципу механизма природы, как если бы они подчинялись законам [4, с. 594]. В противном случае эмпирическое познание природы, равно как и сама целостность научной картины мира, было бы попросту невозможно. Данный принцип «как если бы» (als ob), предлагая способ рассуждения по аналогии, допускает опосредованное символическое постижение исследуемых объектов [3, с. 203]. Критически важен при этом тот факт, что такой принцип предписывается не природным явлениям (строгой и общеобязательной уверенности в существовании неоткрытых законов не может быть), но способностью суждения самой себе. Это именно рефлексивный принцип, управляющий исключительно способом построения умозаключений и ничем за их пределами. Идея трансцендентальной целесообразности природы выступает в качестве априорного фундамента возможности выстраивать релевантные, научно обоснованные суждения о явлениях, не объяснимых уже установленными всеобщими законами.

В своем эстетическом применении рефлектирующая способность суждения не предполагает целенаправленной познавательной функции. Эстетическое восприятие ограничивается формой созерцаемого объекта, без необходимого учета его утилитарного или научного значения. Если удовольствие вызывает одно лишь созерцание некоего явления, то это удовольствие, по мнению И. Канта, коренится не в свойствах предмета (которые могут быть вообще не известны субъекту), а в способности человека выносить суждение [4, с. 124–126], в данном случае суждение вкуса. Принципиальным при этом оказывается различие фундаментальной способности выносить суждения, которая априори принадлежит каждому и поэтому обладает общезначимым характером, и отдельных конкретных суждений вкуса, которые всегда являются единичными и не могут быть обобщены. Эстетическое суждение, определяясь чувством удовольствия или неудовольствия субъекта, выражает субъективную

формальную целесообразность. Не может быть общего объективного правила, позволяющего с необходимостью оценивать предметы как прекрасные или безобразные [4, с. 180]. Каждое единичное применение эстетической способности суждения определяет, является ли конкретный воспринимаемый объект прекрасным или нет. Прямо противоположное суждение об этом же объекте, сделанное в другое время или другим человеком, столь же обосновано свободным применением способности суждения.

Поскольку суждение вкуса основывается на свободном, не детерминированном свойствами объекта благорасположении, оно может показаться общеобязательным. Человек может претендовать на общечеловеческое согласие с его мнением о красоте какого-либо явления, но это согласие не носит необходимого характера, походя, скорее, на конвенциональное соглашение, нежели на обязательность применения естественного закона [4, с. 182]. Расхождение во вкусах столь же обосновано, как и согласие, и в той же степени проистекает из способности выносить суждения [4, с. 354] – никакие доводы разума не смогут убедить в том, что произведение искусства прекрасно, если человек не испытывает искреннего и свободного благорасположения к нему. Общеобязательна именно способность суждения, но не результат ее деятельности. Возможность же выносить такой тип суждений И. Кант возводит к тому, что им обозначается общим эстетическим чувством, которое в отличие от общего морального или общего логического чувств, не предполагает законодательства какой-либо одной из высших познавательных способностей, но утверждает их спонтанную и субъективную гармонию [3, с. 197–198]. Что вновь отсылает к автономии способности суждения [4, с. 114], которая, не предписывая законов функционирования ничему, помимо себя, при этом способна сама регулировать свою деятельность, что и позволяет вести речь о рефлексивном ее применении. В таком образом выведенной трансцендентальной гармонии высших когнитивных функций усматривается общий априорный принцип работы рефлектирующей способности суждения в целом.

Для обоснования возможности самостоятельного исторического способа образования понятий в рамках философии Баденской школы критически важны как телеологический принцип рассуждения по аналогии, так и последовательное различение способности выносить суждения и конкретных ее применений. Последний фактор проявляет себя в специфической процедуре соотнесения с ценностью, формулированием которой Г. Риккерт обосновывает научный характер исторического метода. Ценности выступают в качестве универсального надэмпирического принципа отбора исторически релевантного материала. С точки зрения теоретиков юго-западного неокантианства, ценности, находясь по ту сторону субъекта и объекта, составляют особый мир, отделенный от дей-

ствительности: ценности не существуют, но значат [5, с. 55]. В эмпирически воспринимаемой действительности ценности проявляются в форме благ – объектов, соотнесенных с ними, т. е. признанных ценными, а также в виде оценок – особого рода суждений, выражающих значимость того или иного блага по шкале некоторой ценности [7, р. 157]. Обладая сверхиндивидуальным характером, ценности как бы маркируют те явления в бесконечном многообразии окружающего мира, которые затронуты интересом человеческого общества, наделяя их культурной значимостью. В историческое сочинение попадают только те объекты, культурная окраска которых требует индивидуализирующего рассмотрения. В этом смысле исторический метод познания применяется не потому, что предмет не может быть подвержен генерализации, но потому, что он представляет интерес именно с точки зрения его индивидуальных черт. Поскольку же исторический интерес сосредоточен на сингулярных явлениях во всем их своеобразии и неповторимости, антиисторическими и бессмысленными, по мнению Г. Риккерта, оказываются попытки вывести всеобщие законы развития человеческого общества, которые позволили бы единообразно объяснять отдельные события и факты прошлого: невозможны законы, регулирующие однократные процессы [9, с. 370–371]. Ценности выявляют исторически важное и тем самым позволяют структурировать разрозненный фактический материал источников подходящим для историка образом. В зависимости от избранной исследователем руководящей культурной ценности рассматриваемые явления разделяются на первостепенные и второстепенные [9, с. 424–425].

Вместе с тем для целей научного познания не подходит процедура оценивания, т. е. вынесения суждения о положительном или отрицательном значении того или иного явления, в силу того, что оценка, с одной стороны, не формирует знания, но выражает отношение к предмету [2, с. 41], а с другой стороны, в основе своей оказывается субъективным актом, который не может приобрести всеобщего значения. В противовес оцениванию представители баденского неокантианства предлагают процедуру соотнесения с ценностью, которая лишь фиксирует взаимосвязь единичного с всеобщей культурной ценностью, но не требует непременно оценки в соответствии с ее шкалой. Так как фактическая ценностная нагрузка явления, в отличие от оценки, не зависит от индивидуальной личности, но определяется обществом и состоянием культуры, историк застает ее в уже сложившемся готовом виде, выявляя при помощи соотнесения предмета с ценностью. Исследователь, безусловно, может выносить и оценивающие суждения, но они не определяют сущность исторического познания [5, с. 95]. Соотнесение с ценностью выступает в качестве универсальной, независимой от индивидуального сознания и, в этом смысле, объективной процедуры выявления трансцендентальной связи культурных ценностей с наблюдаемыми объектами окружающего мира.

Оценки же представляются в виде конкретного, всегда единичного проявления самой способности соотнести некое явление с всеобщей ценностью. Данное различие восходит к кантианскому видению суждения вкуса, каждое индивидуальное применение которого фундируется всеобщей способностью выносить суждения.

Научное познание, в том числе и историческое, осуществляется в понятиях, которые непременно оказываются обобщением. Ценности, так же как и законы точных наук, являются общими понятиями, что, однако, не означает, что соотнесение с ценностью подразумевает обобщение. Задача исторического способа познания заключается именно в конкретизации единичных явлений при помощи общих понятий [9, с. 470]. Историческое понятие принципиально отличается от естественнонаучного способом и целью своего применения. В то время как последнее выступает в роли родовой категории, которая охватывает единичные объекты как экземпляры одного рода, первое скорее включает в себя сингулярные явления, как более крупное индивидуальное целое, состоящее из столь же индивидуальных частей. По причине чего для объяснения сингулярных фактов, находящихся в центре внимания исторического познания, представляется неприменимым естественнонаучный метод объяснения при помощи законов природы. Для понимания процесса смены единственных в своем роде, уникальных событий между ними необходимо установить каузальную зависимость. Как подчеркивает Г. Риккерт, исторический метод представляет собой телеологический метод познания [9, с. 336–337]. Каждое конкретное событие может быть понято только в его связях с другими событиями.

Задачей историка видится выявление предпосылок и причин произошедших событий в более ранних обстоятельствах, что возможно сделать только ретроспективно. Такого типа каузальная взаимосвязь не принадлежит имманентно непосредственной ткани исторического становления, она не предзадана исследованию прошлого и не обнаруживает себя с законосообразной необходимостью. Историк должен установить причинно-следственные связи на основе изучаемого материала доступных источников. Поскольку уже на этапе выявления исторических фактов требуется глубокая профессиональная работа по изучению и осмыслению сохранившихся свидетельств [9, с. 288–289], постольку и каузальные связи исторического познания также имеют конструктивный характер. Историческая телеология коренится в методологии работы с фактическим материалом источников [8, с. 701], но не в эмпирическом материале самом по себе. Еще до того, как историк начнет работу по изучению сохранившихся об интересующем его сюжете сведений, он должен предполагать наличие каузальных связей между событиями, т. е. он должен подходить к работе «как если бы» причинно-следственные связи действительно существовали, даже если заранее неизвестно между какими

именно событиями они прослеживаются. Трансцендентальная телеология рефлектирующей способности суждения, утверждающая в подходе И. Канта априорную целесообразность по аналогии с закономерным применением определяющего суждения, таким образом, закладывает основу специфического метода исторического познания.

Развиваемая представителями юго-западного неокантианства доктрина познания прошлого опирается на сформулированную И. Кантом теорию рефлектирующей способности суждения. Связующие нити прослеживаются как по отношению к эстетической, так и по отношению к телеологической реализации рефлектирующего суждения. Выявленное в процессе философского осмысления суждения вкуса различие универсальной способности выносить суждения и конкретного, всегда единичного и неповторимого ее применения позволяет обосновать объективность процедуры соотнесения с ценностью, а следовательно, и научный характер исторического познания. В то же время телеологический принцип рефлексии по аналогии образует эпистемологический фундамент самостоятельного, принципиально отличного от естественнонаучного, казуального метода исследования единичных, локализованных в конкретных пространственных и временных границах культурных процессов. Рассмотренный в этой философской перспективе исторический способ познания предстает в качестве научного метода понятийного постижения единичных явлений, не подверженных операции обобщения.

Утверждая самостоятельность исторического способа познания, позволяющего научно обоснованное исследование индивидуальных, однократных явлений, представители юго-западного неокантианства закладывают тем самым фундамент для развития в рамках различных направлений философии истории XX в. дискуссии об историческом опыте как особом типе восприятия прошлого, которое определяется спецификой самого процесса познания. В изложении Г. Риккерта естественнонаучное понятие нацелено на уничтожение непосредственности и индивидуальности воззрительного опыта, оно стремится как можно сильнее абстрагироваться от содержания непосредственного восприятия, выявляя общие черты наиболее широкого круга явлений [9, с. 189]. Общеобязательность и закономерная необходимость естественнонаучного знания достигается за счет устранения всего, что индивидуализирует предмет познания, и чем успешнее знание это делает, тем более ценным и плодотворным оно является. В противоположность этому исторический метод преследует цель сохранить индивидуальность воспринимаемого явления, охарактеризовать его через максимально точное описание всех отличительных особенностей. В этом смысле историческое понятие стремится по возможности близко подойти к непосредственно воспринимаемому, сохранить индивидуальный опыт непосредственной действительности [9, с. 564] и передать ее такой, какой она предстает в опыте непосредственного воззрения. Представление об историческом способе образования

понятий как особом методе восприятия и объяснения действительности закладывает основу для определения специфики исторического опыта, характеризующего взаимосвязь человека с прошлым. В этом ракурсе рассмотрения «исторического» в широком смысле релевантной оказывается проблема индивидуальности, ситуативности восприятия событий, исторической заданности самой точки зрения, исходя из которой рассматривается прошлое.

Список литературы

1. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973. 539 с.
2. Виндельбанд В. Что такое философия? (О понятии и истории философии)// Избранное: Дух и истории. М.: Юрист, 1995. С. 22–57.
3. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЕ, 2001. 480 с.
4. Кант И. Критика способности суждения// Соч. на немецком и русском языках. М.: Наука. 2001. Т. IV. 1120 с.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре// Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 44–128.
6. Семенов В.Е. Трансцендентальные основы понимания (И. Кант и неокантианство). Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2008. 228 с.
7. Iggers G. The German Conception of History. The National Tradition of Historical Thought from Herder to Present. Middletown. Connecticut: Wesleyan University Press, 1983. 405 p.
8. Kupriyanov V. Teleology as a Method of Historical Cognition in Rickert's Philosophy // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts SGEM2015. B. 3, v. 1. Albena. 2015. P. 697–702.
9. Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr, 1913. 644 S.

THE INFLUENCE OF KANTIAN CRITIQUE OF THE POWER OF JUDGMENT ON THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF HISTORICAL EXPERIENCE IN THE PHILOSOPHY OF THE BADEN SCHOOL OF NEO-KANTIANISM

A.A. Avanesyan

The Rlit of the FPS of Russia, Tver

The article reveals the connection that unites the Kantian theory of judgment with the epistemological doctrine of the Baden school of neo-Kantianism. The distinction between the determining and reflective ability of judgment is compared with the generalizing and individualizing methods of forming concepts. The features of the historical method are raised to the distinctive features of the

teleological and aesthetic variants of the application of reflective judgment. The concept of an independent method of historical cognition, built on this platform, sets a special vision of historical cognition as an experience of perception and understanding of single and unique cultural processes.

Keywords: *historical experience, reflective judgment, neo-Kantianism, relation to values.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артём Александрович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела ИОФЭД ЦИО ФКУ НИИИТ ФСИН России, Тверь. E-mail: artemavanesian@yahoo.com

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD, leading research fellow of Dept. of ISFEA of CIS of The Rlit of the FPS of Russia, Tver. E-mail: artemavanesian@yahoo.com